

УДК 130.2.930.85
DOI: 10.17223/22220836/38/6

А.В. Карабыков

ГОРОПИЙ БЕКАН, ЯЗЫК АДАМА И МИФОЛИНГВИСТИКА РЕНЕССАНСА¹

В статье рассматривается лингвофилософский аспект культурно-исторической теории Горопия Бекана, выдающегося гуманиста и врача XVI в. Ключевой мотив, руководивший Беканом, состоял в том, чтобы обосновать первозданность и эпистемическое совершенство родного для него нидерландского языка и таким образом поднять престиж его национальной культуры. Исследуется система вер и допущений, лежащая в основе культурно-исторических построений ученого, а также заданные ею способы и инструменты доказательства «адамичности» нидерландского языка.

Ключевые слова: Книга Бытия, скифская теория лингвогенеза, этимология, критицизм, эзотеризм.

Историки науки и лингвистики в частности долгое время были склонны видеть в прошлом лишь знакомое и понятное им, а именно зачатки тех принципов и теорий, которым было суждено стать кирпичиками в башне новоевропейского знания. Все остальное рассматривалось ими как строительный мусор, не заслуживающий серьезного внимания. Такая редукционистско-телеологическая ретроспекция льстила самолюбию историков и современных им ученых работников. Сообща они мнили себя стоящими на вершине той башни, достигшими высоты, о которой мечтали или даже не смели мечтать все предшествующие поколения. На самом же деле этот их взгляд был искаженным и искажающим: башня науки не столько росла, сколько все время перестраивалась, так что стоявшие на ее вершине всегда оставались намного ближе к подножию, чем думали. А представители «до-научных» эпох мнили себя – и кто может сейчас сказать, не были ли они в чем-то правы? – достигшими намного больших высот без помощи нашего знания. «Но это было заблуждением», – считали историки, уверенные в том, что возможен лишь один совершенный образ мышления – научный. Освобождаясь от этой презумпции, мы все смелее ставим перед собой сегодня задачу иного рода: исследовать в прошлом чуждое и странное нам, произведенное другими стилями мышления о языке, культуре и природе.

Противопоставив эти стили классической научной рациональности и оставив без внимания их внутренние различия, назову их обобщенно «мифолингвистикой». Этот термин представляется адекватным объекту предлагаемой работы – такому подходу к изучению языка, который был непосредственно обусловлен системой мифологических воззрений и в конечном счете служил обоснованию ее истинности. Данный подход был особенно характерен для эпохи Ренессанса. Одним из факторов подъема мифолингвистики в

---

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-011-00601 «„Книга Природы“ в контексте герменевтических стратегий Возрождения и раннего Нового времени».

XV – 1-й пол. XVII в. являлся неизвестный со времен поздней Античности плюрализм, отличавший духовную ситуацию, в которой пребывала тогда Западная Европа. Он вызвал к жизни напряженную борьбу мировоззренческих, идеологических и религиозно-доктринальных форм. Стремясь победить в этом споре, приверженцы их стремились поставить себе на службу нечто очевидно-объективное – не в последнюю очередь данные языка¹.

Чтобы представить своеобразие ренессансной мифолингвистики наиболее зримо, я обращаюсь в этом исследовании к одному из самых радикальных ее творцов – незаурядному, но во многих отношениях типичному филологу своего времени Горопию Бекану (1519–1572). Ян Герартсен ван Горп (*Jan Gerartsen van Gorp*) или, в соответствии с латинизированным более известным вариантом его имени, Горопий Бекан (*Goropius Becanus*), еще при жизни стяжал славу эксцентрика-эрудита, что не мешало пионерам в сфере сравнительно-исторической лингвистики считаться с его трудами даже спустя столетие. Великий Лейбниц (1646–1716) почтил насмешкой память нидерландского филолога-антиковеда, изобретя глагол «*goropiren*», смысл которого можно передать примерно как «придаваться неправдоподобному и тенденциозному этимологизированию». Но, критикуя методологию Бекана, он признавал, что его ключевой тезис о сугубой близости кельтско-германских языков к единому праязыку (*Ursprache*) человечества относительно верен [1. С. 286]. С угасанием мифолингвистики в век Просвещения академический имидж ван Горпа стал всецело негативным [2. Р. 108].

Опираясь на трактаты нидерландского гуманиста: его *opus magnum* «Антверпенские древности» (*Origines antwerpianae*) (1569) и «Гермафина» (*Hermathena*) (1580), – я покажу зависимость его историко-филологических разысканий от известных мифогенных представлений. Это прольет свет на специфику этимологического метода, который культивировал ван Горп. Затем я рассмотрю, как этимология Бекана использовалась им для легитимации этих представлений.

Адамический проект

Чтобы понять причины амбивалентности и вместе с тем парадигмальности образа Горопия Бекана в «республике ученых» на пороге Нового времени, необходимо обратиться к тому чрезвычайно странному, на современный взгляд, контексту, в котором развивалась его мысль. В значительной мере его определял адамический проект, представлявший собой комплекс идей и воззрений вкупе с заданными ими герменевтическими стратегиями, нацеленными на то, чтобы воссоздать первозданный язык, которым обладали люди в Раю, в состоянии изначального совершенства. Не являясь – по крайней мере, *исключительно* – искусственной системой произвольно и условно установленных знаков, язык Адама, как верили многие в XV–XVII вв., был непосредственно связан с умопостигаемой структурой мира, потому что имел бы-

¹ В качестве самых известных примеров здесь можно вспомнить доказательство подложности «Константинова дара», предпринятое гуманистом Лоренцо Валлой (1407–1457), чтобы поставить под сомнение законность притязаний римских пап на политическое господство; сходное по методу опровержение сугубой древности Герметического корпуса, совершенное протестантским филологом Исааком Казобоном (1559–1614), чтобы подорвать авторитет герметизма; внесение Мартином Лютером (1483–1546) в немецкий текст Библии «корректив», отвечавших догматам его доктрины.

тийное основание в природе самих вещей и / или отличался эпистемологическим совершенством, позволявшим схватывать и выражать эту природу наиболее полным и точным образом. По этой причине – таково было мнение многих ренессансных эзотериков – данный язык обладал способностью к прямому воздействию на бытие и служил мощным магическим инструментом [З. С. 114–115].

Портрет Горопия Бекана. Источник: Opera Ioan. Goropii Becani, hactenus in luce non edita. Antwerp: Plantinus, 1580 г.

The Portrait of Goropius Becanus. Source: Opera Ioan. Goropii Becani, hactenus in luce non edita. Antwerp: Plantinus, 1580

Судя по всему, ван Горп не был сторонником оккультизма, в золотой век которого ему выпало жить. Сохранились свидетельства, что он сурово обличал тех, кто работал над адамической проблематикой, имея магику-оккультистскую мотивацию. В частности, он обрушивался на «псевдо-магов», вдохновлявшихся Каббалой и учивших, что иврит, особенно древнееврейские имена Бога, обладал не только онтоэпистемическим совершенством, но и уникальной бытийной силой. Так, отзываясь об эзотерических спекуляциях аббата Тритемия (1462–1516) и адептов «христианской» Каббалы, Бекан заключал: «...Если в нем (Тетраграмматоне, т.е. самом священном из имен Божиих. – *А.К.*) действенности не больше, чем в словах греков и латинян, означающих то же самое (Божество. – *А.К.*), что тогда остается у псевдо-магов, чем бы могли они защищать [принцип] природности имен? И если в нем (тетраграмматоне. – *А.К.*), где воздвигли они столп, на котором держится вся их наука, не имеется никакой силы, что тогда следует думать об остальных именах, выражающих известные и неизвестные значения? В тех же случаях, когда это пользующееся доверием суеверие, сопряженное с бормотанием слов, кажется сколько-нибудь засвидетельствованным действительностью, все это нужно воспринимать как совершенное по договору с демонами и с помощью нечестивых жертвоприношений..., посредством которых лживые духи выдают себя за привлеченных или связанных, чтобы сводить с ума несчастных и оставлять их изгнанными из небесного отече-

ства»¹ [4. Р. 15]. Отсюда явствует, что в отношении оккультных практик, необычайно респектабельных в ту эпоху, нидерландский филолог занимал ортодоксальную христианскую позицию, сводя их все к демонической магии², и очевидным образом отмежевывался от магико-эзотерического направления адамических штудий³.

Это побуждало его осмыслять природу первоизданного языка в относительно мирском ключе, признавая за ним историческое первенство и онто-эпистемическое превосходство, проявляющееся в сугубой мотивированности его имен и религиозно-метафизической глубине их значений, – но не наличие магического потенциала. «Адам не дал ни одного имени, которое бы не подходило [именуемой] вещи наилучшим образом, [так что] казалось даже, что имена были не созданы, а рождены вместе с самими вещами»⁴ [6. Р. 538]. В отличие от некоторых ученых, полагавших, что *Ursprache* был вложен в первочеловека Создателем, Бекан считал его творением самого Адама [7]. Наделенные духовным совершенством, праотцы находились в удивительной когнитивной гармонии с окружающим их миром. Она проявлялась в полной согласованности субстанций вещей с их образами в человеческом сознании. По этой причине Адам смог создать совершенный язык, непостижимый до конца «постэдемским» рассудком, – язык, сквозь фонетическую ткань которого просвечивали умопостигаемые сущности предметов, не замутненные и не обкраденные дебелой семантикой исторических наречий. Ведь тот, «кто наиболее искушен в [познании] природы вещей, создает в уме их наилучшие отображения и образует имена, наиболее точно воспроизводящие эти обра-

¹ [...de tetragrammato Hebaeorum,] in quo si non plus sit efficacitatis, quam in Graecorum aut Latinorum vocabus quibus idem significatur, quid pseudomagus reliquum est, quo naturalia esse nomina defendant? Si in hoc, in quo totius scientiae sua column constituerunt, nihil sit virium; quid de ceteris vocabulis, vel notae vel ignotae significationis, iudicandum? Si quid credula superstitio ad vocum susurros videat euenire, id totum daemoniacis pactis et impiis... sacrificiis... acceptum ferendum, quibus fraudulentum spiritus se vel allici, vel cogi fingunt, quo miseros mortales dementent & a caelesti patria exules reddant. Здесь и далее цитаты из произведений Бекана даются в моем переводе. Там, где в ссылках отсутствует номер страницы, цитаты взяты из предисловия, лишённого пагинации. В сносках дается оригинал соответствующего фрагмента.

² Ср. утверждение св. Августина: «...Никто не может знать, чего каждый из демонов желает, чего страшится, каким именем призывается, каким принуждается, прежде чем они сами этому научили; именно отсюда возникли магические искусства и мастера в них» [5. С. 1155].

³ Современный исследователь Генри А. Кроп ошибочно приписывает Бекану воззрение, согласно которому часть правильно установленных слов обладает чудодейственной силой. В подтверждение Кроп ссылается на пассажи из вводной главы «Гермафины», где гуманист, риторически противопоставляя друг другу различные мнения, описывает древние и некоторые современные ему магические практики, основанные на этом воззрении [2. Р. 116]. Однако внимательное чтение делает несомненным, что эти экскурсы сделаны Беканом не для доказательства правильности его собственных онтологических взглядов, а для развенчания старинного заблуждения. Так, обличая врачей, якобы исцеляющих с помощью магических формул, он замечает: «Заклинания всех их или, лучше сказать, бредни могут стерты одной губкой. Как верно говорят, слова не обладают никакой [магической] властью; когда же кажется, что ими нечто совершается [в реальности], это все следует относить на счет обманов, совершаемых демонами, которые таким образом стремятся вовлечь жалкие и заблудшие людские умы в древнюю идоломанию» (*Vna spongia omnium horum incantamenta, siue potius nugamenta, deleri possunt. Si, vt verum est, dicantur verba nullam habere potestatem; sed si quid effici videatur, id totum daemonum imposturis acceptum ferri oportere, qui hac via miseras & deuras hominum mentes in veterem idolomaniam pertrahere moliantur.*) [4. Р. 11]. «Псевдомагия», общее название практик такого рода, чаще всего используемое Беканом, указывает на то, что, вопреки заверениям оккультистов, действенность их процедур (когда она подлинна) обеспечивается другой – демонической – силой.

⁴ [Adam] nullum nomen dedisse, quod rei non optime conueniret, adeo, ut non facta nomina, sed cum rebus ipsi nata viderentur.

зы»¹, полагал ван Горп [6. Р. 538]. Праотцы же, «до тех пор, пока» (применительно к изначальному – вневременному – состоянию мира эти темпоральные обороты нельзя понимать буквально) грехопадение не вызвало в них «помрачение разума и смятение духа», как никто более обладали такими способностями и опытом [Ibid.]. А что касается самих принципов словотворчества и сущности языка, то в главном они остались неизменными. И до, и после начала земной истории язык, по Бекану, являлся системой слов, в которых «нет иной силы, кроме той, чтобы так или иначе достигать слуха»², и иной способности к обозначению, кроме той, что присуща всем знакам [4. Р. 16].

Итак, мы видим, что в воззрениях Бекана на сущность *Ursprache* не было ничего экстраординарного, если смотреть на них сквозь призму лингвогенетических теорий, господствовавших в XV–XVII вв. Они были вполне умеренны и, сверх того, относительно «прогрессивны». Достаточно сказать, что сходные взгляды разделяли творцы научного мировоззрения Модерна: Фрэнсис Бэкон (1561–1626), Джон Локк (1632–1704) и уже упоминавшийся Готфрид Вильгельм Лейбниц. По словам последнего, «если бы мы имели первичный язык во всей его чистоте или достаточно сохранившимся, то в нем должно было обнаружиться его основание, будь то физические связи, будь то произвольное установление, но во всяком случае мудрое и достойное первого творца» [1. С. 282] (см. также: [8. С. 67; 9. С. 529]).

Наследие кимвров

Что же тогда принесло Бекану двусмысленную интеллектуальную славу, из-за которой он стал «иконой» мифолингвистики, после того как она, говоря фигурально, превратилась из храма в музей атеизма? Псевдонаучная методология? Тоже не это. Хотя Лейбниц сделал ее предметом насмешки, можно с уверенностью сказать, что «горопированием» – этим важнейшим инструментом мифолингвистики – охотно пользовался отнюдь не один Горопий. До конца XVII в. этимология не претерпела существенных изменений: ее базовые принципы оставались теми же, как они были сформулированы еще в Античности: в «Кратиле» Платона, у стоиков и в концепции претерпевания александрийских грамматиков [10. Р. 47–94; 11]. Изменения, происходившие в раннее Новое время, в основном заключались в росте недоверия к этимологии как методу познания мира. Иными словами, интеллектуалы постепенно разочаровывались в той ее теории, которая покоилась на системе презумпций, известной как «кратилизм» и утверждавшей наличие органичной связи между знаком и означаемым [12. Р. 97]. Что касается самой техники и приемов этимологии, то, по верному замечанию Х. Аарслеффа, оставалось обычным делом применять их не для поиска новых знаний, а чтобы подвести под некий априорный постулат лингвистическое основание [13. Р. 91]³.

¹ [...necessarium est confiteri, ab eo], qui rerum naturae peritissimus est, cum optimas in animo imagines pingi, tum verba fieri has imagines quam proxime imitantia.

² ...non aliam vim esse, quam aures vel hoc vel illo modo ferendi. Стоит отметить, что в XVI в. большинство грамотных европейцев еще читало вслух, а не про себя.

³ Шарль Сорель (1602–1674), вспоминая свои школьные годы, писал: «Мы рьяно состязались из-за первенства и задавали друг другу вопросы, но какие вопросы! Какова этимология слова „Juna“? На что надлежало отвечать: „Quasi luce lucens aliena“ (парафраза выражения Цицерона: „Как бы сияющая чужим светом“. – А.К.), все равно, как если б по-нашему сказать, что „ложесна“ суть как бы „ложе сна“. Не правда ли дивная система, чтоб пичкать наукой молодых ослов? Между тем мы проводили дни, занимаясь подобным шутовством...» (пер. с фр. Г. Ярхо) [14. С. 157].

HERMATHENA

IOANNIS GOROPH

BECANI

ANTVERPIÆ,

Ex officina Christophori Plantini

Architypographi Regij.

cło. Io. lxxx.

Титульный лист трактата «Гермафина». Источник: Opera Ioan. Goropii Becani, hactenus in luce non edita. Antwerp: Plantinus, 1580 г.

The Title Page of the Treatise "Hermathena". Source: Opera Ioan. Goropii Becani, hactenus in luce non edita. Antwerp: Plantinus, 1580

Именно такой постулат, истинность которого ревностно отстаивал ван Горп, сделавший его краеугольным камнем своей культурно-исторической теории, стал действительной причиной его одиозности. Там, где Лейбниц ограничивался конъюнктивом («если бы мы имели...»), будучи убежденным, что язык Адама в действительности неведом и вообще «чаще всего истинная этимология слова (в любом наречии. – А.К.) потеряна», наш гуманист выказывал уверенность в обратном [1. С. 277]. Бекан утверждал, что *Ursprache* ближе и понятнее ему, чем большинство языков мира. Ибо праязыком человечества был не иврит, как верили многие, а язык древних кимвров, почти полностью уцелевший в родных ван Горпу брабантских (южно-нидерландских) диалектах. Что особенно важно, этот филолог говорил об адамичности киммерийского в строгом смысле как о подлинном языке Рая, счастливо пережившем Потоп, Вавилонское столпотворение и последующую мутацию и дробление человеческих наречий. Это проливает свет на еще один мотив его стойкой антипатии к гебраистам, в рядах которых в XV–XVI вв. состояли самые образцовые адепты «христианской» Каббалы.

Тем, что сильнее всего поражало в построениях ван Горпа, была граничившаяся с безрассудством категоричность его ключевых утверждений. Она казалась тем более вызывающей, что в то время, когда наш гуманист занялся адамическим проектом, в кругах причастных к нему ученых воцарялся дух неуверенности. Прогресс гебраистики, достигнутый к середине XVI в. и продолжавший брать новые рубежи, поставил под сомнение радикальную уникальность иврита [15. С. 190–192; 16. Р. 3–4]. Вместе с тем было понятно, что у других кандидатов на роль языка Адама было еще меньше объективных данных для того, чтобы притязать на столь исключительный статус. Да, кризис гебраистской версии адамизма способствовал выдвижению новых кандидатов, которыми в основном являлись еще юные литературные языки северо-европейских народов. Но их сторонники почти всегда исходили из представления, что как таковой *Ursprache* потеряна, а их претендент скромно

рассчитывает на роль одного из древнейших и, стало быть, наиболее близких к нему наречий. Такого рода «слабая» версия адамизма нашла поддержку и у некоторых гебраистов (Schottelius, Harsdörffer и т.д.), растождествлявших «первозданную» и историческую формы иврита [16. Р. 2; 17. Р. 27].

Аргументация, используемая Беканом для обоснования адамичности киммерийского языка, в целом мало отличалась от той, к какой прибегали приверженцы «слабых» – как гебраистской, так и националистических – версий. Обычно она включала в себя апелляцию к определенному мифоисторическому нарративу, в основе которого лежала история ветхозаветных патриархов (Быт. 4–11), дополняемая сведениями из «Иудейских Древностей» Иосифа Флавия (ок. 37 – ок. 100), фрагментов поддельного трактата Анния из Витербо (ок. 1432–1502)¹ и иных источников. Согласно мифоисторической картине, созданной ван Горпом и другими авторами «скифской» версии адамизма (Clüver, Stiernhielm, Jäger и т.д.), когда окончился Потоп, Ной с домочадцами и прочим содержимым его Ковчега высадился на берегах Скифии, занимавшей районы Северного и Восточного Причерноморья. Спустя некоторое время отпрыски библейского патриарха стали рассеиваться по свету, мигрируя преимущественно в южном направлении. Сойдясь в земле Сенаар, они задумали воздвигнуть Вавилонскую башню (Быт. 11). В то же время семья Гомера, происходившего от Иафета, старшего сына Ноя, устремилась на север Европы, что помешало ей принять участие в легендарной стройке. Благодаря этому она не испытала на себе трагических последствий Вавилонской катастрофы. Тогда как наречия других родов изменились до неузнаваемости, повергнув человечество в неудобное положение языкового многообразия, язык гомерийцев (они же кимвры и киммерийцы) единственно сохранил допотопную, первозданную форму [6. Р. 204, 213, 534; 4. Р. 25, 204]. В силу продолжительной изолированности североевропейских народов в их языках она осталась относительно неповрежденной [17. Р. 36–37; 19. Р. 108–109, 306–309].

Из-за того что в этом направлении адамизма скифы часто сближались с кельтами, отдельные ученые стремились воссоздать единую скифо-кельтскую традицию [20. Р. 142–145; 18. Р. 52–53]. В любом случае рефлексия над историческим родством германских языков, питаемая доверием к известным «метарассказам» и зачастую мотивированная духом провиденциальной исключительности своей нации, оказалась плодотворной в лингвистическом плане. В этой рефлексии и направляемыми ею этимологическими штудиями зарождалось сравнительно-историческое языкознание, принесшее свои зрелые плоды в XIX в. в процессе обоснования индоевропейской гипотезы [17. Р. 20–21; 21. Р. 165; 22. С. 89].

Спорт, искусство и таинство

Поскольку мифоисторические теории, подкреплявшие авторитет тех или иных претендентов на адамический (или близкий к нему) статус, находились в конкуренции друг с другом, при неоторимом лидерстве шедшего от Августина (354–430) и Иеронима (ок. 342–420) убеждения в первозданности иврита

¹ *Commentaria super opera diversorum auctorum de antiquitatibus loquentium*. Roma: Silber, 1498. Характеристику труда Анния см. в [18. Р. 49–54].

та [5. С. 792], одних этих теорий было недостаточно. Требовались иные, более позитивные и самоочевидные, доказательства, взятые из самого языка-кандидата. Эта – собственно лингвистическая – линия аргументации обычно включала в себя: а) нахождение элементов данного языка в словах «позднейших» исторических наречий; б) демонстрацию не конвенциональной, а глубоко и органично мотивированной связи, соединяющей слова (чаще всего имена) этого языка с их значениями и далее с означаемыми вещами. И поскольку отыскание этой связи было порою нелегким делом, отдельные филологи, включая ван Горпа, прибегали к с) дроблению слов на исторически первичные фоносемантические «атомы» (как правило, слоги), в которых искомая мотивированность просто отсутствовала, а потому, при желании, была легко «находима»¹.

Ян Саделер (Sadeler) (Антверпен, 1550–1600). Сотворение прочих животных и человека (ок. 1586). Источник: http://www.spaightwoodgalleries.com/Pages/Bible_AdamEve.html

Jan Sadeler (Antwerp, 1550–1600). Creation of the other animals and of man. Source: <https://www.alamy.com/stock-photo/johann-sadeler-i.html>

Когда филологи-адамисты разнообразных националистических толков желали найти повсеместные следы своего кандидата, они незамедлительно обращались к языкам-конкурентам и прежде всего к ивриту. Эти ученые счи-

¹ Ср. фоносемантический анализ элемента «*sac*» как компонента нидерландского «*segunen*» (благословлять), предложенный Беканом: «Первая буква (т.е. звук. – А.К.) с ее шипением означает движение к чему-то, срединная с ее стройным звучанием – остановку и замедление, а последняя с присущей ей задержкой дыхания учит, что каждому надлежит влечься к тому, что ему полезно» (Prima littera sibilo suo motionem ad aliquid, media littera quadrato suo sono stationem et moram, vltima spiritus in se retractione suum cuique commodum ad se trahendum docet.) [6. P. 579].

тали – и в условиях господства моногенетического принципа правильность данного допущения чаще всего не подвергалась сомнению, – что, победив конкурентов, они тем самым доказывали наличие таких следов во всех языках человечества. Так поступал и Бекан. Существенная часть этимологических выкладок, представленных в «Антверпенских древностях», направлена на то, чтобы реконструировать «исконные» – киммерийские – основы в латинском, древнегреческом и, главное, древнееврейском языках [6. Р. 32–33, 847–848]. Вступив в борьбу с гебраистами на лингвистическом поле, он пытался выхватить из их рук и обратить против соперников их оружие. Гебраисты и в особенности знатоки Каббалы апеллировали к уникальной древности Моисеева Пятикнижия. Ван Горп, со своей стороны, доказывал, что Тора древнее, чем те думают, и Моисей был не автором ее, а транслятором, принявшим этот текст переведенным на иврит с «первозданного» языка киммерийцев [Ibid. Р. 537].

Когда гебраисты указывали на библейские имена и названия, не поддающиеся переводу и имеющие древнееврейское происхождение, Бекан париловал: эти имена действительно изначальны и, как все адамические слова, глубоко мотивированы, но они лишь имеют видимость древнееврейских. Дело в том, что потомки Ноя сберегали их в своих поствавилонских наречиях, удерживая в памяти их исконные смыслы. Так, возможно, по цепи языков-посредников эти слова вошли в иврит, запечатленные в древнееврейском тексте Пятикнижия. Однако впоследствии их исконные значения забылись, а их место заняли толкования, привнесенные раввинами, ибо в отличие от Моисея они уже не имели доступа к «древней мудрости» и хранившему ее языку [4. Р. 11]. Этой участи избежал лишь загадочный Тетраграмматон (*YHWH*). По словам Бекана, Моисей отказался толковать это имя Бога, понимая, что своей смысловой темнотой оно обязано происхождению из первозданного языка, лишь «малые остатки» которого были унаследованы ивритом [Ibid.].

Желая воссоздать истинные значения «адамических» слов, нидерландский гуманист использовал обратную этимологию. Он разлагал ветхозаветные имена на односложные элементы, «подчищенные» там, где было нужно, чтобы придать им «киммерийскую» форму¹, и создавал из них осмысленные сочетания. К примеру, отвергнув традиционную древнееврейскую трактовку имени «Адам», в согласии с которой оно переводилось как «земля», «краснозем», ван Горп предложил различать в этом слове два этимона: «*hat*» и «*dam*», означавших в его родном наречии «ненависть» и «дамбу» соответственно [24. С. 41; 6. Р. 539]. Но разве есть в них что-либо причастное к нашему библейскому праотцу? Прочитывая их вместе как «дамба для потоков ненависти», Бекан не сомневался, что есть: «Это было наилучшее увещание для Адама, [заключенное в самом] его имени, чтобы он твердо противостоял ненависти змия, подобно дамбе, о которую сокрушаются волны океана»² [6. Р. 539]. И это было предупреждением для змия, который, вняв ему, решил иметь дело с Евой. В другом месте он интерпретирует имя одного

¹ Анализ способов такой «подчистки», основанных на представлении ван Горпа об односложности слов адамического языка, см. в [23]. К их основным видам относились: вставка и прибавление (с краю) звуков / букв, устранение, перемещение их и инверсия.

² *Optima haec fuit Adamo de nomine suo admonitio, quo fortiter invidiae serpentis resisteret, non aliter, quam agget Oceani fluctibus perpetuo verberandus...*

из предков Ноя Мафусаила (*Methuselah*) как нидерландское «*maek thu salich*», что переводится как «делающий себя благословенным», и в отношении этого патриарха указывает на причину его долгожительства [6. Р. 548]. Имя самого Ноя разлагается на первоатомы «*noot*» (нужда) и «*acht*» (уделять внимание), указывавшие вместе на великую предусмотрительность этого патриарха [Ibid. Р. 549]. А «Вавилон» (*Babel*) наш лингвист возводит к «*babelen*», превращая название рокового места в памятник презрения к тем, кто отпал там от первоизданного языка и, на слух его сохранивших, стал «бормотать, говорить бессмыслицу» [Ibid. Р. 572; 4. Р. 218].

Будучи чрезвычайно изобретательным этимологом, наделенным богатым воображением, Бекан не всегда довольствовался одним значением «препарируемого» слова. Когда выпадал подходящий случай, он охотно пускался в хитроумные герменевтические спекуляции, артистически играя прихотливыми смысловыми ассоциациями. Так что нередко фундаментальная мотивированность слов киммерийского языка, над воссозданием которого он трудился, под его пером достигала семантической многослойности. И это было не просто следствием живой страсти ван Горпа к аллегорическому этимологизированию, еще не скованному методологическими правилами, необходимость которых стала осознаваться филологами в следующем столетии [17. Р. 44]. Уникальная глубина означаемого постулировалась им в качестве характерной черты *Ursprache*. Она отличала его от позднейших наречий и обеспечивалась изначальноной односложностью киммерийского языка, чьи слова превосходно объединялись в сложные лексические единицы [4. Р. 25]. Продолжая творить язык, Адам создавал многие имена таким образом, что они представляли собой своеобразную тайнопись, скрывавшую «тайны древней Теологии» [6]. Тайны эти были столь велики и обильны, что «в целом мире [земных] наук до сих пор не нашлось ничего сопоставимого с ними»¹ [Ibid. Р. 539].

В этих словах звучат отчетливые эзотерические обертоны, обычные в построениях каббалистов и эрудитов-энтузиастов, занимавшихся толкованием древнеегипетской иероглифики². Именно ренессансные египтологи любили интерпретировать в элитарно-эзотерическом духе свидетельство Иосифа Флавия, согласно которому Ной и его отпрыски создали после Потопа «науку о небесных телах и их устройстве, и для того, чтобы изобретения их не были забыты и не погибли раньше, чем с ними познакомятся люди, – ввиду того, что Адам предсказал погибель отчасти от силы огня, отчасти же вследствие огромного количества воды, – они воздвигли два столба, один кирпичный, другой каменный, и записали на них сообщение о своем изобретении» [26. С. 38–39] (см. также: [27. С. 135–136]). И чтобы сделать эту запись понятной лишь посвященным, они якобы и придумали иероглифику [28. Р. 48; 29. С. 146–148]³. По мнению Бекана, сам Адам совершил подобное, когда, творя

¹ ...in qua tantum latet mysteriorum, vt nihil hactenus vel par, vel simile, in vniuerso disciplinarum orbe sit inuentum.

² Ср. утверждение Марсилио Фицино: «Желая выразить в знаках божественные таинства, египетские жрецы использовали не отдельные буквы, а цельные образы растений, деревьев и животных; ведь несомненно, что [сам] Бог обладает знанием вещей не в форме сложного рассуждения, но наподобие чистого и непреложного образа (*forma*) самой вещи» [25. Р. 1768].

³ О причастности Бекана к иероглифическим штудиям говорит его трактат «Иероглифика» (*Hieroglyphica*), опубликованный в том же издании его трудов, что и «Гермафена». Он еще ждет своих исследователей.

имена, превращал их в скрижали тайн – фонетические, а не каменные и кирпичные. Вдохновляемый свыше, он, возможно, неведомо для себя вложил в созданные слова пророческие смыслы, призванные раскрыться в земной истории. Это явствует из его собственного имени: протопласт смог вполне осознать его значение («дамба для [дьявольской] ненависти») не ранее, чем был изгнан из Рая и поставлен перед необходимостью непрестанно сопротивляться натискам Сатаны.

Ван Горп полагал, что пророческая сила первоначальных имен сохранилась в них после Вавилонской катастрофы, когда они вошли в состав новообразованных языков. Это особенно верно в отношении иврита, ибо, лишив Моисея авторства Торы, он сохранил за ним роль величайшего из пророков. Кроме познаний, полученных у египетских жрецов, часть своей мудрости Моисей обрел благодаря божественному озарению [4. Р. 11]. Так, не без горнего содействия, он смог познать смысл многих «оракулов», сокрытых под покровом первоначальных имен. Сверх того, израильский вождь тоже «дал немало предвещаний в значениях имен, которым суждено осуществиться по прошествии многих столетий»¹ [6. Р. 539]. Ван Горп не пояснил, какие в точности имена он имел в виду: исконно-киммерийские, превращенные Моисеем в подобие палимпсеста, или собственно еврейские. По этой причине библейский пророк оказывается у него в том же двусмысленном положении, в котором находился сам нидерландский гуманист: не то толкователя «древней мудрости», не то создателя новых значений. Почти то же самое можно сказать о ренессансной этимологии в целом, балансировавшей между открытием и созданием, *inventio* и *creatio* и являвшей собой амальгаму науки и искусства, спорта и таинства [30. Р. 3; 31. Р. 339].

Заключение

Полутысячелетнее расстояние, отдаляющее нас от Горопия Бекана, делает так, что его культурно-исторический проект воспринимается сегодня во многом иначе, чем его осознавали интеллектуалы XVI–XVII вв. За вызывающе оригинальными чертами, бросавшимися в глаза современникам, мы видим в нем по преимуществу типическое. Устремленность *ad fontes*, пиетет перед «древней мудростью», которой владели праотцы, запечатлевшие ее в первоначальном языке, и которая сохранялась тайно в земной истории, сводившейся к деградации, доверие библейским и языческим «метарассказам» – все эти компоненты ренессансного стиля мышления создавали своего рода систему координат, в которой строил свой проект ван Горп. Далекий от мысли о выходе из этой системы, тем паче о ее разрушении, он творчески применил те средства, которые она предлагала, и осуществил возможность, до тех пор не реализованную в ней.

Его замысел состоял в том, чтобы придать наивысшую ценность своей национальной культурной традиции и ее языку, не пользовавшимся почетом в «республике ученых», как варварские, невозделанные. Ресурсы, задействованные Беканом, как правило, использовались другими для превознесения тех или иных классических традиций и языков: гебраизма, «египтянства»,

---

¹ Certe multa in nominum rationibus oracula dedit, quae multis post ipsum saeculis euentum suum sunt sortita.

«латинства» и т.д. К ним относился спектр мифоисторических нарративов, бытовавших в ренессансной культуре, из которых ван Горп собрал новую конструкцию, отвечающую его цели. К ним же принадлежал арсенал средств гуманистической экзегезы и этимологии, позволявших, как верил он, оправдать эту конструкцию перед лицом образованной публики.

Возможность, которую воплотил нидерландский эрудит, оказалась предельной в отношении вмещавшей ее системы презумпций, из-за чего его отдельные постулаты находилась на грани абсурда. Не желая того, Бекан «нащупал» пределы этой системы и приблизил этим час ее демонтажа, пробивший в середине XVII столетия. Положив начало националистическому течению внутри адамического проекта, он открыл врата другим претендентам на роль первоизданного или ближайшего к нему языка [32. Р. 21, 69; 33. Р. 52–56]. Ибо сделалось ясно, что примерно с тем же успехом, который снискал Бекан, теперь можно было обосновать первоизданность любого наречия. Это дискредитировало саму идею того, что *Ursprache* мог сохраниться после Вавилонского и дальнейших, естественных, трансформаций исторических языков.

Поэтому интеллектуалы, продолжавшие работать над адамической проблематикой в конце XVI–XVII вв., чаще всего или склонялись к мистицизму, или переходили на пути новой, научной, рациональности. Будучи убежденными в утрате эдемского наречия, первые надеялись обрести его, пережив божественное озарение. Вторые делились на тех, кто развивал все более «слабые» версии адамизма, придя в итоге к сравнительно-историческим исследованиям, оторванным от прежней религиозно-мифологической основы, и тех, кто работал над созданием суррогата *Ursprache* в виде универсального философского языка¹. Мне не известно, оказали ли писания Бекана влияние на творцов последнего проекта. Но есть, по крайней мере, одна черта, роднившая их построения. Это семантический «атомизм», заключавшийся в том, что слова «киммерийского» и большинства искусственных языков, созданных в XVII в., состояли из односложных единиц, каждая из которых имела полноценное лексическое значение.

Литература

1. Лейбниц Г.-В. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. II. 686 с.
2. Крор Н.А. The Antiquity of the Dutch Language: Renaissance Theories on the Language of Paradise // Narratives of Low Countries History and Culture: Reframing the Past / ed. J. Fenoulhet and L. Gilbert. London : UCL Press, 2016. P. 108–124.
3. Карабыков А.В. «И нарёк человек имена...»: стратегии воссоздания адамического языка в культуре Ренессанса // Человек. 2014. № 5. С. 114–131.
4. Goropius Becanus Hermathena // Opera Ioan. Goropii Becani, hactenus in luce non edita. Antwerp : Plantinus, 1580. 237 p.
5. Августин Блаженный. О граде Божьем. Минск : Харвест ; Москва : АСТ, 2000. 1296 с.
6. Goropius Becanus Origines antwerpianae, sive Cimmericorum becceselana novem libros complexa. Antwerp : Plantinus, 1569. 1058 p.
7. Карабыков А.В. Между «Кратилом» и Каббалой: Проблема возникновения языка в «Вавилонской башне» (1679) Афанасия Кирхера // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 154–163.
8. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1977. Т. I. 566 с.
9. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М. : Мысль, 1985. Т. I. 621 с.
10. Del Bello D. Forgotten Paths: Etymology and the Allegorical Mindset. Washington, D.C. : Catholic University of America Press, 2007. 187 p.

¹ Лучшие исследования, посвященные проектам универсального языка в XVII в., см. в [34, 35].

11. *Borchardt F.L.* Etymology in Tradition and in the Northern Renaissance // *Language and the History of Thought* / ed. N. Struever. Rochester : The University of Rochester Press, 1995. P. 1–16.
12. *Anderson J.H.* Words that matter: Linguistic perception in the English Renaissance. Stanford : Stanford University Press, 1996. 340 p.
13. *Aarsleff H.* From Locke to Saussure. Essays on the Study of Language and Intellectual History. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1982. 422 p.
14. *Сорель III.* Правдивое комическое жизнеописание Франсиона / пер. с фр. Г. Ярхо. М. : Правда, 1990. 592 с.
15. *Карабыков А.В.* Трансформация метафизики первоначального языка в ренессансном каббализме // *Вопросы философии*. 2016. № 3. С. 186–197.
16. *Jones W.J.* Images of language: six essays on German attitudes to European languages from 1500 to 1800. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1999. 297 p.
17. *Meicalf G.J.* On Language Diversity and Relationship from Bibliander to Adelung / ed. by T. Van Hal and R. Van Rooy. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2013. 181 p.
18. *Travoni M.* Western Europe // *History of Linguistics. Volume III: Renaissance and Early Modern Linguistics* / ed. by Giulio Lepschy. London; New York : Routledge, 2014. P. 2–107.
19. *Conside J.* Dictionaries in Early Modern Europe: Lexicography and the Making of Heritage. Cambridge et al. : Cambridge University Press, 2008. 393 p.
20. *Pezron P.* The Antiquities of Nations, More Particularly of the Celtae Or Gauls, Taken to be Originally the Same People as Our Ancient Britains / trans. D. Jones. London : Janeway, 1706. 312 p.
21. *Simone R.* The Early Modern Period // *History of Linguistics. Volume III: Renaissance and Early Modern Linguistics* / ed. by G. Lepschy. London; New York : Routledge, 2014. P. 149–236.
22. *Эко У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре / пер. А. Миролюбовой. СПб. : Александрия, 2007. 423 с.
23. *Naborn R.A.* Becanus' Etymological Methods // *Voortgang*. 1995. № 15. P. 79–86.
24. *Пуотровский М.Б.* Адам // *Мифы народов мира* : в 2 т. М. : Сов. энциклопедия, 1987. Т. I. С. 39–43.
25. *Marilio Ficino Opera omnia.* Basileae: ex officina Henricpetrina, 1576.
26. *Иосиф Флавий.* Иудейские древности: в 2 т. Т. I, кн. 1–12 / пер. Г.Г. Генкеля. М. : АСТ : Ладомир, 2002. 784 с.
27. *Карабыков А.В.* Язык Адама, иероглифика египтян и «эмблематическое мировоззрение» Ренессанса // *Вопросы философии*. 2017. № 1. С. 133–144.
28. *Pierio Valeriano Hieroglyphica, sive de sacris Aegyptiorum literis commentarii, Ioannis Pierii Valeriani Bolzani Bellunensis.* Basileae, 1556. 945 p.
29. *Пьеро Валериано.* Иероглифика, или Толкования священных письмен египтян. Посвятельное письмо сиятельному Козимо Медичи / пер. с лат. и комментарии А.В. Карабыкова // *Вопросы философии*. 2017. № 1. С. 145–153.
30. *Crawforth H.* Etymology and the Invention of English in Early Modern Literature. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. 218 p.
31. *Rothstein M.* Etymology, Genealogy, and the Immutability of Origins // *Renaissance Quarterly*. 1990. № 43 (2). P. 332–347.
32. *Burke P.* Languages and Communities in Early Modern Europe. Cambridge et al. : Cambridge University Press, 2004. 210 p.
33. *Olender M.* From the Language of Adam to the Pluralism of Babel // *Mediterranean Historical Review*. 1997. № 12 (2). P. 51–59.
34. *Maat J.* Philosophical Languages in the Seventeenth Century: Dalgarno, Wilkins, Leibniz. Dordrecht : Springer, 2004. 415 p.
35. *Slaughter M.* Universal Languages and Scientific Taxonomy in the Seventeenth Century. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. 277 p.

Anton V. Karabykov, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation).

E-mail: meavox@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2020, 38, pp. 59–73.

DOI: 10.17223/2220836/38/6

GOROPIUS BECANUS, THE ADAMIC LANGUAGE, AND THE RENAISSANCE MYTHOLINGUISTICS

Keywords: Genesis; Scythian theory of language origin; etymology; cratylism; esotericism.

The analyses is focused on a linguistic aspect of the cultural and historic theory of Goropius Becanus, an outstanding humanist of the sixteenth century. A main intention directing Becanus was to substantiate the primordial status and epistemological perfection of his native Dutch and thereby enhance the prestige of his national culture. The author explores the set of beliefs and presumptions underlying the scholar's cultural-historic scheme as well as the modes and means of substantiating "adamicity" of Dutch determined by it.

It is argued that the means exploited by Becanus were generally used in the republic of letters for extolling of one or another classical tradition and language: Hebrew, Old Egyptian, Latin etc. Those resources included a spectrum of mythohistoric narratives current in the Renaissance culture. The Dutch scholar assembled them in a new original construct matching his intention. They also included an arsenal of the tools of Humanistic exegesis and etymology enabling him, as he thought, to justify that construct in the eyes of the learned.

In the first two sections of this paper the dependence of Becanus' scheme from the basic mythogenic notions which the contemporary culture proposed maintaining certain mythohistoric narratives is explored. All of those notions were connected with a so called Adamic project. It presented a complex of ideas and hermeneutic strategies determined by them and aimed to reconstruct the primordial, or Adamic, language. Adamic was the primordial language belonging to the protoplasts (while at least they remained in a condition of the initial perfection). Not being (just) an artificial, conventionally imposed semiotic system, this language was thought to be directly correspondent to the intelligible structure of the world, for it was either inherently connected with the very essences of natural things or possessed epistemological excellence allowing to reflect these essences in a perfect manner.

Also it is ascertained that Becanus assumed a highly negative attitude towards magical-occultist movement within the Adamic project. And it is cleared up that the ambivalent intellectual renown the scholar had was due to defiant originality of his theory with its central thesis that Dutch is a primordial language *sensu stricto*.

In the third section Becanus' etymological practice is analyzed. It was to provide him and his readers with properly linguistic proofs that his cultural and historic scheme was correct. Typically for the Renaissance mytholinguistics, the practice was reduced to a search for elements of the "Adamic" language in words of latter, historic, ones and to demonstration of a non-contingent, organically motivated link conjoining primordial words with their meaning and then with signified things themselves. In order to make easier this double task Becanus and some of his followers resorted to fragmentation of Dutch words into phonosemantic "atoms" assumed to be pristine.

References

1. Leibniz, G.W. (1983) *Sochineniya* [Works]. Translated from French by P.S. Yushkevich. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
2. Krop, H.A. (2016) The Antiquity of the Dutch Language: Renaissance Theories on the Language of Paradise. In: Fenoulhet, J. & Gilbert, L. (eds) *Narratives of Low Countries History and Culture: Reframing the Past*. London: UCL Press. pp. 108–124.
3. Karabykov, A.V. (2014) "I narek chelovek imena...": strategii vossozdaniya adamicheskogo yazyka v kul'ture Rennsansa ["So the man gave names": strategies for the Adamic language reconstruction in the Renaissance culture]. *Chelovek*. 5. pp. 114–131.
4. Goropius Becanus (1580) *Opera Ioan. Goropii Becani, hactenus in luce non edita*. Antwerp: Plantinus.
5. St. Augustine. (2000) *O grade Bozh'em* [On the City of God]. Minsk: Kharvest; Moscow: AST.
6. Goropius Becanus. (1569) *Origines antwerpianae, sive Cimmeriorum becceselana novem libros complexa*. Antwerp: Plantinus.
7. Karabykov, A.V. (2015) Mezhdy "Kratilom" i Kabbaloy: Problema vozniknoveniya yazyka v "Va-vilonskoy bashne" (1679) Afanasiya Kirkhera [Between "Cratylus" and Cabbala: the Problem of Language Origin in Athanasius Kircher's "Tower of Babel" (1679)]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 154–163.
8. Bacon, F. (1977) *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 vols]. Vol. 1. Translated from English by N.A. Fedorova. Moscow: Mysl'.
9. Locke, J. (1985) *Sochineniya v 3 t.* [Works in 3 vols]. Vol. 1. Translated from English. Moscow: Mysl'.
10. Del Bello, D. (2007) *Forgotten Paths: Etymology and the Allegorical Mindset*. Washington, D.C.: Catholic University of America Press.
11. Borchardt, F.L. (1995) Etymology in Tradition and in the Northern Renaissance. In: Struever, N. (ed.) *Language and the History of Thought*. Rochester: The University of Rochester Press. pp. 1–16.

12. Anderson, J.H. (1996) *Words that matter: Linguistic perception in the English Renaissance*. Stanford: Stanford University Press.
13. Aarsleff, H. (1982) *From Locke to Saussure. Essays on the Study of Language and Intellectual History*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
14. Sorel, Ch. (1990) *Pravdivoe komicheskoe zhizneopisanie Fransiona* [The Comical History of Francion]. Translated from French by G. Yarkho. Moscow: Pravda.
15. Karabykov, A.V. (2016) The transformation of the primordial language metaphysics in the Renaissance cabbalism. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 186–197. (In Russian).
16. Jones, W.J. (1999) *Images of language: six essays on German attitudes to European languages from 1500 to 1800*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
17. Metcalf, G.J. (2013) *On Language Diversity and Relationship from Bibliander to Adelung*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
18. Travoni, M. (2014) Western Europe. In: Lepschy, G. (ed.) *History of Linguistics*. Vol. 3. London, New York: Routledge. pp. 2–107.
19. Considine, J. (2008) *Dictionaries in Early Modern Europe: Lexicography and the Making of Heritage*. Cambridge: Cambridge University Press.
20. Pezron, P. (1706) *The Antiquities of Nations, More Particularly of the Celtae Or Gauls, Taken to be Originally the Same People as Our Ancient Britains*. London: Janeway.
21. Simone, R. (2014) The Early Modern Period. In: Lepschy, G. (ed.) *History of Linguistics*. Vol. 3. London, New York: Routledge. pp. 149–236.
22. Eco, U. (2007) *Poiski sovershenного yazyka v evropeyskoy kul'ture* [The Search for the Perfect Language]. Translated from Italian by A. Mirolyubova. St. Petersburg: Aleksandriya.
23. Naborn, R.A. (1995) Becanus' Etymological Methods. *Voortgang*. 15. pp. 79–86.
24. Piotrovsky, M.B. (1987) Adam [Adam]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira: v 2 t.* [Myths of nations of the world]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 39–43.
25. Ficino, M. (1576) *Opera omnia*. Basileae: ex officina Henricpetrina.
26. Josephus Flavius. (2002) *Iudeyskie drevnosti* [Jewish Antiquities]. Vol. 1. Translated from Latin by G.G. Genkel. Moscow: AST: Ladomir.
27. Karabykov, A.V. (2017) The Language of Adam, Egyptian Hieroglyphics and the “Emblematic World View” of the Renaissance. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 133–144. (In Russian).
28. Valeriano, P. (1556) *Hieroglyphica, sive de sacris Aegyptiorum literis commentarii, Ioannis Pierii Valeriani Bolzanii Bellunensis*. Basileae: Michael Isengrin.
29. Valeriano, P. (2017) Ieroglifika, ili tolkovaniya svyashchennykh pis'men egip'tyan. Posvyatitel'noe pis'mo siyatel'neyshemu Kozimo Medichi [Hieroglyphics, or the interpretation of the sacred letters of the Egyptians. Dedicated letter to the most radiant Cosimo de Medici]. Translated from Latin by A.V. Karabykov. *Voprosy filosofii*. 2017. № 1. pp. 145–153.
30. Crawforth, H. (2013) *Etymology and the Invention of English in Early Modern Literature*. Cambridge: Cambridge University Press.
31. Rothstein, M. (1990) Etymology, Genealogy, and the Immutability of Origins. *Renaissance Quarterly*. 43(2). pp. 332–347. DOI: 10.2307/2862367
32. Burke, P. (2004) *Languages and Communities in Early Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
33. Olender, M. (1997) From the Language of Adam to the Pluralism of Babel. *Mediterranean Historical Review*. 12(2). pp. 51–59. DOI: 10.1080/09518969708569727
34. Maat, J. (2004) *Philosophical Languages in the Seventeenth Century: Dalgarno, Wilkins, Leibniz*. Dordrecht: Springer.
35. Slaughter, M. (1982) *Universal Languages and Scientific Taxonomy in the Seventeenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.